
Н. Ю. МАТВЕЕВА

КОНФЛИКТ НА УКРАИНЕ: СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ СМЫСЛЫ УЧАСТНИКОВ

В статье рассматриваются смысловые основы политики, проводимой основными сторонами, вовлеченными в противостояние на Украине: националистически настроенными кругами украинской власти и общества, руководством «мятежных» юго-восточных регионов страны, политиками стран Запада и России. В основу исследования положен культуросоциологический анализ смыслов по бинарной схеме «сакральное добро – сакральное зло» внутри каждой смысловой системы. Обосновывается положение о том, что ведущую роль в возникновении конфликта на Украине сыграли культуuroобразующие смыслы, обуславливающие противостояние как внутри страны, так и между Россией и Западом. В украинском общественном дискурсе устойчивые позиции занимают социокультурные смыслы независимости страны (прежде всего от России, влияние которой расценивается как угроза, а все связанное с ней относится к полюсу сакрального зла). Запад, поддерживая Украину, апеллирует к ценностям демократии, Россия прибегает к нарративу «русского мира» и исходит из необходимости его защиты в условиях политики нетерпимости, проводимой властями Украины. Понимание смысловых интерпретаций политических действий сторон конфликта становится ключевым условием политического урегулирования этого острейшего противостояния современного мира.

Ключевые слова: *политические смыслы, социокультурный код, Украина, Россия, Запад, украинский национализм, цивилизационное противостояние, культурная травма, конфликт, политическое урегулирование.*

Смысловые основы политики как предмет анализа

Силой исторических судеб Украина стала ареной столкновения не просто политических интересов, но глубинных социокультурных кодов, смыслов и ценностей. Это произошло на наших глазах. При этом система социокультурных кодов российского общества

История и современность, № 1, март 2017 158–176

вошла в конфликтное противостояние с двумя другими системами смысловых кодов – украинской и западной. Необходимо признать в качестве ярко выраженного социологического факта наличие пропасти взаимного непонимания между участниками украинских событий, которое в своей основе не является результатом чьего-либо злого умысла, сознательного искажения фактов или игнорирования чужого мнения (хотя все это также может иметь место в политической борьбе). В его основе лежит конфликт – «разлом» по линии культурного противостояния, конфликт разных культурно-смысловых систем. В результате одни и те же события или действия участников оцениваются и интерпретируются не просто по-разному, но в разных смысловых плоскостях. Отсюда демонстрируемое участниками политического процесса резкое взаимное неприятие, нежелание понимать позиции друг друга, явственно выраженное как во внутривнутриполитической жизни (между Западом и Востоком Украины), так и во взаимодействиях внешних участников (США, Западной Европы и России). Наблюдение и анализ кризисных событий, развивавшихся с конца 2013 – начала 2014 г. на Украине, а также сопутствующего им противостояния России и стран Запада явственно обнаруживают силу воздействия социальных идей и ценностей на международные и внутривнутриполитические процессы.

Изучение этого воздействия занимает значительное место в современном научном дискурсе, однако носит несколько разрозненный характер, несмотря на наличие серьезной теоретико-методологической базы. Исследования процесса воздействия идей на общество получили широкое развитие еще в XIX в., который может быть назван «веком идей» в европейской истории (Лебон 2003; Тард 1901; Фуллье 1899). Так, Альфред Фуллье писал: «...подобно тому, как у каждого индивидуума есть известная система идей-чувств (*idees-sentiments*), которые в то же время являются идеями-силами (*idees-forces*), выражающимися в его сознании и направляющими его волю, точно так же они имеются и у нации... В этом и состоит коллективный детерминизм, часть которого находится в нас, а другие части во всех остальных членах общества. Эта система идей, взаимно зависящих одна от другой, и представляет собой

сознание нации» (Фуллье 1899: 8). Рассмотрение ценностных идей как основного инструмента, способствующего ориентации людей в социальном мире, характерно для неокантианства и понимающей социологии. Ученые XX в. внесли значительный вклад в изучение глубинных факторов общественного сознания, определяющих историческое развитие (Юнг 1991; Хантингтон 2014). Возникшая в конце XX в. культурсоциология взяла на вооружение достижения предшествующего периода, указав на центральную роль понимания смысловых кодов, нарративов и символов, определяющих культурную и национальную идентичность (Александр 2013). Среди отечественных ученых также находит поддержку идея о том, что значимые символы политики, конструируемые в процессе политической борьбы, апеллируют к тем или иным социокультурным кодам, которые, таким образом, берутся в качестве смысловой основы политической деятельности (Березняков, Козлов 2015).

Анализ исследований современных отечественных политологов, посвященных украинской проблематике, показывает, что они акцентируют внимание на смысловых и ценностных аспектах вспыхнувшего кризиса. Исследователи согласны в том, что противостояние на Украине, охватившее не просто те или иные политические силы, а гражданское общество в целом, обусловлено гораздо более глубокими факторами, нежели политические и экономические интересы (Вендина и др. 2014; Лапкин, Пантин 2014). Правильное их понимание необходимо для научной оценки действий участников данного конфликта, их целей, мотивов, а также векторов развития политической ситуации. Современными отечественными учеными проводится разносторонняя работа в этом направлении. Изучаются исторические аспекты российско-украинских отношений (Шульга 2013). Эмпирическое исследование аксиологических установок граждан Украины, непосредственно участвовавших в выступлениях на Майдане в феврале 2014 г., проведено прямо на месте событий В. А. Масликовым (2014). Изучаются установки гражданской идентичности в российском и украинском обществах (Реутов 2014). Исследуется вопрос о различиях и сходных чертах политических культур России и Запада (Федотова 2015).

Зарубежные исследователи также дают подробный анализ общественно-политических настроений в этой стране, ища ответы на вопросы о причинах и последствиях украинского кризиса. Они, как правило, используют для его обозначения термин «революция» (Shveda, Park 2016), что неправомерно, на наш взгляд, расширяет область употребления данного понятия. Ими проведены эмпирические исследования настроений населения разных регионов страны в период военного конфликта на Юго-Востоке (Duvanova *et al.* 2015; Couré, Obrizan 2016). Было изучено отношение жителей Украины к демократическим институтам, таким как выборы (Herron *et al.* 2015). Значительное внимание уделяется вопросам, связанным с поддержкой населением страны украинских националистических партий и движений, в том числе радикальных (Bustikova 2015; Iovenko 2015; Katchanovski 2015; Polyakova 2014). В целом зарубежные исследователи придерживаются взвешенного подхода к рассмотрению этих проблем.

Хотя в научной литературе затрагиваются различные смысловые аспекты сложившейся на Украине ситуации, сохраняется необходимость в изучении основополагающих смысловых систем, с помощью которых ее участники подвергают интерпретации свои и чужие действия, занимая при этом ту или иную политическую позицию. Эти смысловые образования, как правило, укоренены в особенностях менталитета, культуры и истории народов, характеризуются устойчивостью и тесной связью с эмоционально-волевым уровнем мотивации участников. Исходя из этого, целесообразно рассмотреть смысловые позиции четырех вовлеченных в конфликт сторон: национально ориентированной части Украины, оппозиционно настроенных регионов Юго-Востока, стран Запада и России.

Настоящее исследование опирается на методологию культур-социологического анализа. Согласно этой методологии, процесс придания людьми смыслов происходящим событиям обусловлен наличием социокультурных кодов, нарративов и символов, с помощью которых эти события получают свое значение для общности. Будучи расположенными в определенной системе ценностных координат и образуя взаимосвязанную систему, смысловые значения определяют нарративное прочтение происходящих событий,

а также мотивов и действий их участников. Эти прочтения выступают в наиболее яркой форме именно в кризисных ситуациях, резко очерчивающих позиции вовлеченных сторон.

Другой важный момент культуросоциологической методологии обусловлен проводимой градацией смыслов, существующих в обществе, на два типа. К первому относят обыденные действия и отношения между людьми, включая «светские», то есть рутинные интересы и расчеты людей. Эти смыслы оказываются не столь важны в периоды, когда «на карту поставлена идентичность сообщества, его стабильность в отношении смысла, а не действия» (Александр 2013: 274). Ко второму типу смыслов относят смыслы «сакральные», «священные», затрагивающие глубины человеческих чувств, рождающие сильные эмоции, способные вести человека к определенной цели, превосходящей его личные интересы или потребности. Политика может осуществляться в рутинном режиме, при котором внимание ее участников направлено на конкретные цели и интересы. В этом случае обычно считается, что ценности сообщества не подвергаются опасности. Но если эти ценности находятся под угрозой, политическая жизнь может выходить за пределы обыденного. Она концентрируется на целях, связанных с культурообразующими смыслами сообщества. Происходит исключительное обобщение общественного мнения в отношении политической угрозы, подвергающей риску сакральные смыслы сообщества (Там же: 423). Несмотря на подчас скрытое существование в обществе сакральных смысловых феноменов, их выход на поверхность социальной жизни может совершиться с необычайной силой и непредсказуемыми для рационально-обыденного объяснения результатами (Чанкова 2011: 73).

Сакральные смыслы характеризуются следующей особенностью: они делят ценности и оцениваемые события на две полярно противоположные части – абсолютное добро и абсолютное зло. Все, что вписывается в систему абсолютных ценностей сообщества, является в таком случае сакральным добром и как таковое не подвергается сомнению. Напротив, все смыслы, политические силы и конкретные деятели, ассоциируемые с системой ценностей, угрожающих единству сообщества, представляются носителями са-

крального зла. Внимание в таких случаях сосредоточено на защите сакральных ценностей, причем эмоции здесь играют решающую роль. Поведение сообщества, мотивированного сакральными смыслами, характеризуется свойствами, сходными с психологией толпы. Ею не воспринимаются рациональные аргументы, исходящие от оскверненного источника (то есть любого агента политики, ассоциируемого с сакральным злом). То же самое относится к аргументам, носящим обыденный, рутинный характер (например, к призывам класть в основу политики экономические потребности). Таким образом, оценка событий, являющихся важными с точки зрения коллективных ценностей сообщества, происходит на основе критериев добра и зла. Это обуславливает тесную связь такого осмысления с чувствами людей, которые можно отнести к категории религиозных в широком смысле слова.

Следует отметить, что, несмотря на указанные свойства общественного сознания, политика, проводимая в условиях конфликта ценностей, не должна быть направлена на обострение социального противостояния. Задача политиков состоит не в том, чтобы усилить поляризацию общественных настроений и, как следствие, эскалацию конфликта, а, напротив, найти рациональные способы его разрешения и достижения мира. Поэтому использование в политике методов, связанных с нетерпимостью к чужим мнениям или ценностям, ориентирование политических действий на сакрализованные коды и символы, тем более целенаправленное усиление таких настроений в обществе не соответствуют современному политическому мышлению.

Отметим, что смыслы, вокруг которых складывается ситуация противостояния политических сил, могут располагаться как в одной системе координат¹, так и в нескольких смысловых системах. В первом случае общество придерживается единой системы ценностей, а конфликт возникает на почве различной оценки конкретных событий и деятелей в рамках этой системы ценностей. Во втором случае общество разделено, так как отдельные его части ориенти-

¹ Примеры таких конфликтов убедительно описаны в работе Дж. Александра «Дискурс американского гражданского общества» (Александр 2013: 342–416).

рованы на разные системы ценностей. Естественно, что конфликты второго рода гораздо труднее поддаются разрешению, потому что стороны не могут понять друг друга, расходятся в критериях оценки событий, и эта оценка, как уже говорилось, почти не корректируется рациональными усилиями. Украинский кризис спровоцирован наличием сразу нескольких таких смысловых систем, что осложняет его разрешение.

Несмотря на то что, казалось бы, политическое и военное противостояние на Украине не выходит за рамки локальных событий по своему геополитическому характеру, его смысловые факторы затрагивают гораздо более широкую перспективу. Оно обернулось резкой напряженностью в политических отношениях России и Запада. В этом противостоянии были задействованы как два внутриукраинских смысловых полюса – полюс украинской самостоятельности и противоположный полюс культурного единства с Россией, так и две внешние по отношению к Украине смысловые системы – система западных ценностей, применяемая к оценке действий России, и система самооценки Россией собственного культурного единства. Все эти смысловые системы имеют сложные внутренние взаимосвязи, поэтому их воздействие на реальную политическую ситуацию оказывается не изолированным, а комплексным. Предлагаемое рассмотрение ситуации на Украине и вокруг нее основано на анализе тех смыслов, по которым проходят «линии разлома», определяющие нынешнее противостояние. По нашему убеждению, только понимание и правильная интерпретация смыслов, вкладываемых людьми в их политические взгляды и действия, дает возможность налаживания взаимодействия и сотрудничества сторон.

Смысловая перспектива 1: «украинская самостоятельность»

Ценностной основой этой перспективы является идея о самостоятельной, независимой Украине с собственным языком как основным символом национальной культуры. Украинскому языку был придан сакральный статус в борьбе с опасностью его вытеснения русским, которая давит на украинское национальное самосознание. Ценностная идея «самостийности» и «незалежності» исторически сложилась в первую очередь как идея о независимости от

соседа с Востока – России. Она неоднократно проявлялась во взаимоотношениях Украины с Россией, вдохновив участников выступлений на Майдане в феврале 2014 г. Как известно, поводом для протестов стал односторонний отказ президента В. Януковича от подписания соглашений об ассоциации с Евросоюзом. Согласно данным зарубежных исследователей, основную массу протестующих составили украиноязычные жители западных регионов страны при поддержке всех религиозных конфессий, за исключением Русской православной церкви (Shveda, Park 2016: 86). Несмотря на культурную и этническую близость между русским и украинским народами, влияние России кодируется украинскими националистическими силами как подавляющее их независимость. Однако и влияние Запада, прежде всего со стороны Польши, также получает отпор. Так, члены радикальной националистической партии «Свобода» под руководством Олега Тягнибока резко выступили против возведения монумента в память о массовом уничтожении этнических поляков в 1944 г. в селении Гута Пеняцкая на Западной Украине, связываемом с действиями Украинской повстанческой армии (УПА) и украинскими дивизиями СС (Bustikova 2015: 240). Борьба за независимость в данной смысловой перспективе освящается сама по себе в качестве высшего добра, а борцы получают сакральный статус героев.

Немаловажно, что в рамках данной смысловой перспективы региональные культурные особенности связываются с факторами, ведущими к зависимости страны. Украина, будучи страной, исторически разделенной на регионы со значительными отличиями в культурных традициях, страдает от этого разделения. Поэтому сам по себе регионализм, осознание отдельными регионами своих особенностей и их потребность в самостоятельности, воспринимается как наносящий вред национальному самосознанию и единству нации (Shveda, Park 2016: 88). Отсюда резкое неприятие националистическими кругами страны регионализма Юго-Востока, к тому же «оскверненного» культурной близостью к России.

В поддержке и распространении указанных идей большую роль играют украинские националистические партии и движения, сформировавшиеся после распада СССР. Они называют себя наци-

онально-демократическими и относятся к правой части политического спектра. Это, например, Народное движение Украины, Украинская республиканская партия, Конгресс украинских националистов и другие (Shveda, Park 2016: 89). Запад оценивается ими как помощник, союзник, но эта оценка определяется не их приверженностью западным ценностям, а расчетом на помощь в противостоянии с Россией. Сакральные ценности украинского национализма не имеют никакого отношения к западным ценностям демократии, экономической свободы, индивидуализма, толерантности к иному. Это подтверждается действиями украинской власти, в том числе принятием ею так называемого «антикоммунистического закона», против которого выступили ведущие ученые разных стран мира (Marples 2015), указавшие на его противоречие основным демократическим ценностям.

В украинском национально-патриотическом дискурсе полюсом зла выступает давление на Украину со стороны других стран, прежде всего России. Сама Россия кодируется как главный символ подавления украинской самостоятельности и, следовательно, как воплощение сакрального зла. Этот социокультурный код был усилен образом Советского Союза как агрессивно-подавляющей авторитарной силы, сформировавшимся в политическом сознании Запада. По данным опросов электората Украины, та его часть, которая симпатизирует радикальным националистическим партиям, воспринимает Россию как государство, угрожающее украинскому суверенитету. Именно ощущение опасности, исходящей от РФ, является основным фактором, раскалывающим украинское общество. Националистически настроенная часть украинцев испытывает страх перед Россией (Bustikova 2015: 247), что говорит об эмоциональном восприятии угрозы, которая, по их мнению, исходит от ближайшего соседа. Таким образом, даже экономические связи с Россией становятся частью полюса зла. В. Янукович, согласно данной смысловой перспективе, виноват перед Украиной не столько потому, что потакал коррупции, сколько потому, что активно взаимодействовал с российской властью. В оценке, исходящей из дискурса независимости, он примкнул к полюсу сакрального зла, «променяв» Соглашение об ассоциации с Евросоюзом, имевшее

символический смысл независимости от России, на российские деньги.

Смысловая перспектива 2: «принадлежность к российской культуре»

Но украинское общество является носителем и другой нарративно-смысловой системы, заключающейся в принадлежности к русской культуре и близости к великой державе в лице России. Несмотря на то что сохранение национального лица и культуры эмпирически не противоречит политико-экономическому союзу с другим государством, в украинской политике образовалась своего рода смысловая пропасть между дискурсами независимости и единства с Россией. Определенную роль в ее углублении сыграли просчеты российской политики в отношении Украины после 1991 г. (Пастухов 2005).

Основной идеей, воплощающей смысловую перспективу принадлежности к российской культуре, выступает единство Украины с Россией, единство украинского и русского народов. Данная идея еще не так давно разделялась значительной частью украинского общества. Согласно ей, Россия и Украина – близкие братские народы с общей историей и культурными ценностями. Поэтому они должны быть тесно связаны политически и экономически. Единство с Россией выступает как полюс добра, эмпирической манифестацией которого является политическая близость, тесные связи между двумя народами. Насильственная украинизация, сопровождаемая отрывом от России, а тем более конфликтами и враждебным к ней отношением, – признаки наличия сакрального зла в политике, заключающегося в разрушении единства братских народов.

После распада СССР и отделения Украины от России можно говорить о постепенном развитии культурной травмы части украинского общества, состоящей в искусственном разрыве живой связи между украинцами и русскими. Сам факт политического отделения Украины от СССР в 1991 г. не был травматическим событием: процесс травмы постепенно развивался в массовом сознании. По утверждению западных исследователей, жители юго-восточных регионов Украины до сих пор ощущают себя частью несуществу-

ющего государства – СССР (Shveda, Park 2016: 89). Процесс травмы с характерным для него разрушением сакральных смыслов, объединяющих сообщество, был усугублен в процессе событий февраля – марта 2014 г., сопровождавшихся рядом резких антирусских выступлений новой украинской политической элиты. Эти высказывания, в свою очередь, были восприняты как сакральное зло жителями Юго-Востока. Именно угрозы в адрес русскоязычного населения придали перспективе единства с Россией реальные очертания в массовом сознании. Подчинение новым украинским властям, разрушающим единство Украины с Россией, стало восприниматься как травма для культурной идентичности. Чрезвычайно красноречив тот факт, что если до февраля 2014 г. страна была практически едина в недовольстве коррупцией, снижением экономических показателей и в целом правлением В. Януковича, то потом практически моментально стала расколота надвое антироссийскими смыслами, распространяемыми новой властью. Показательно, что разделение страны на две части – центральные и западные регионы, с одной стороны, и юго-восточные регионы – с другой, стало не просто географическим или экономическим, а прежде всего смысловым. Между этими регионами продолжали углубляться «линии разлома». Как свидетельствуют проведенные исследования общественных настроений, украинское общество фрагментированно и поляризовано, что никак не может свидетельствовать о наличии национального единства или консенсуса (Duvanova *et al.* 2015).

Таким образом, усилившие свое влияние националистические силы Украины сами провели черту, по которой и совершился культурный разлом. Если бы их деятельность строилась на смыслах единства страны, независимости, европейских ценностей и борьбы с коррупцией, не затрагивая при этом чувства русскоязычного населения, войны бы не было, и Крым так и остался бы в составе Украины, так как в смысловом дискурсе русской культуры не заложено изоляционизма и противостояния Европе. Жители юго-восточных регионов страны поддержали бы реформы, если бы они не были направлены на разрушение их культурной идентичности. По замечанию западных исследователей, до кризиса концепт «еди-

ной Украины» доминировал в самоидентификации всех регионов страны, включая Юго-Восток (Shveda, Park 2016: 89). Этот факт – основной в нынешнем конфликте, хотя его и не хочет признавать украинская власть. «Камень, который отвергли строители, сделался главою угла» (Пс. 117:22). Отказ от исторического прошлого в попытках изменить социокультурные основания страны не мог не встретить сопротивление со стороны носителей русской культуры.

Итак, конфликт внутри страны стал следствием антагонизма культурных ценностей и смыслов. Его причиной явился разлом по линии принятия/непринятия всего русского, в том числе значительной части собственной культуры. Выход из кризиса и противостояния лежит в обратном направлении – в сторону смещения политических смыслов к признанию русской культуры органической частью культуры Украины. В этом вопросе ей необходима помощь Запада, а не разжигание антироссийской политики. До настоящего времени Запад играл негативную роль в конструировании и поддержании политических смыслов, лежащих в основе гражданского противостояния на Украине. Своей политикой он лишь усугублял смысловую пропасть, разлом по линии культурного противостояния, согласно известной концепции С. Хантингтона (2014). Здесь уместно вспомнить о способах управления международными конфликтами, основанных на ценностном и цивилизационном подходах (Манойло 2012).

Перейдем к рассмотрению следующей пары смысловых перспектив, расширяющих конфликт на Украине до уровня противостояния Запада и России.

Смысловая перспектива 3: «демократия против подавления»

Во время украинского кризиса проявилась резкая и эмоционально напряженная реакция стран Запада на политику России. Этот факт важен с точки зрения определения смысловых аспектов политики Запада по отношению к России. Страны Запада обычно объясняют свое враждебное отношение к России ее «имперскими» планами и действиями, не согласующимися с демократическими принципами. Подобные обвинения, соединенные с эмоциональной

оценкой территориальной мощи нашей страны, сформировали смысловой код «имперской России» – носительницы антидемократической и подавляющей политики, который стал выступать логическим оправданием позиции Запада в его собственных глазах. Можно предположить, что эта установка выступает в качестве деривации – логического объяснения, служащего для оправдания собственных действий, истинные причины которых скрываются в глубоких пластах подсознания, в данном случае коллективного (Парето 2008). Эта деривация воспроизводится Западом снова и снова на протяжении многих лет в разных исторических условиях, что позволяет сделать вывод о наличии определенного нарративного прочтения российской политики, созданного общественным сознанием стран Западной Европы. Понимание этого факта раскрывает смыслы, вкладываемые Западом в его политику в отношении нашей страны, проявившиеся во время украинских событий 2014 г.

Политики стран Запада трактовали ситуацию на Украине прежде всего как демонстрацию антидемократических устремлений России и власти В. Януковича. Россия, с точки зрения Запада, придерживается позиций, противоречащих демократическим ценностям. Развитие российской политики в отношении Украины выглядит в этой интерпретации примерно следующим образом.

1. Постоянное давление (политическое и экономическое), оказываемое правительством В. Путина на правительство Януковича, имевшее результатом полную дискредитацию последнего в глазах населения Украины и его свержение. Свергнувший Януковича Майдан – символ демократической воли народа.

2. Демонстрация «имперской» и подавляющей политики России в акте присоединения Крыма. Данное событие трактуется как аннексия, а воля населения полуострова либо ставится под вопрос, либо просто игнорируется в качестве политической силы. Референдум не признается в качестве законного средства определения государственной принадлежности отдельных территорий. Исторические аспекты принадлежности Крыма, нюансы действий Н. Хрущева или Беловежских соглашений в расчет просто не идут. Есть только два факта – факт территориальной принадлежности Крыма Украине и факт его насильственного (то есть совершенного про-

тив воли украинских властей) присоединения к России при использовании ситуации социального конфликта и слабости власти на Украине.

3. Поддержка пророссийских настроений в регионах Юго-Востока Украины трактуется как дальнейшая эскалация напряженности с целью возвращения контроля над ними России.

Таким образом, последовательно реконструированная политика России в смысловом пространстве западного дискурса выглядит как подавляющая и захватническая, противостоящая демократическим ценностям Запада и, таким образом, олицетворяющая сакральное зло. Сакральным добром становится прежде всего политика самого Запада, который, с его точки зрения, отстаивает демократические ценности в стране, подвергшейся подавлению. Украинский национализм в понимании Запада выступает как движение против подавляющей политики России, следовательно, как сила, борющаяся с сакральным злом. Этим объясняется поддержка Западом даже таких крайних организаций, как Социал-национальная партия «Свобода» (Николаев, Берендеев 2015). Западные правительства и СМИ, как правило, предпочитают не замечать связь идеологии украинских националистов с такими организациями, как УПА и УНА-УНСО (Katchanovski 2015: 218). Соответственно, политическим сознанием Запада отвергается предлагаемая Россией нарративная схема украинского национализма как нацизма или фашизма, выбравшего своим врагом не только Россию, но и русскоязычное население своей страны. Новая украинская власть, Майдан как общественное движение и националистические силы кодируются Западом как «хорошие», наделенные моральным правом представители полюса демократии.

Смысловая перспектива 4: «нарратив русского мира»

Смыслы, на которых строятся принципы российской политики в отношении Украины, основаны на нарративе «русского мира», под которым подразумевается определенное цивилизационное целое. Так, президент России В. В. Путин неоднократно заявлял о решимости защищать права всех людей, чувствующих свою принадлежность к так называемому «русскому миру» (О чем... 2014).

Нарратив «русского мира», преобразованный из более раннего нарратива «православного мира», подразумевает более широкое единство, нежели единство государства или нации. Это прежде всего духовное единство народов, основанное на сходстве ценностно-смысловых систем (Панарин 2002).

Социокультурный код защиты «своих», «братьев» по культуре, вере, языку, составляет положительный полюс этой перспективы. Отрицательным ее полюсом выступает разрыв связей с Россией, который может привести к изменению социокультурной идентичности общностей, принадлежащих к русской цивилизации. Само создание ДНР и ЛНР было вызвано чрезвычайно болезненной травмой национальной идентичности, которая до настоящего времени только углубляется. В рамках данного нарратива разрушение смысловых систем, на которых основывается единство культуры, приводит к распаду коллективных, соборных личностей². В этом случае такой соборной личностью и выступает «русский мир».

Таким образом, согласно данному нарративу, смыслы российской политики в рассматриваемом конфликте состоят не в агрессивном империализме, как это представляется Западу, а в сохранении российского цивилизационного единства, чрезвычайно важной частью которого является Украина.

Заключение

Политическое урегулирование ситуации, в которой противостояние сторон достигло кризисного уровня, как это произошло на Украине, является, несомненно, важной целью. Но достижения этой цели недостаточно для разрешения внутреннего противостояния в обществе, обусловленного историческими и культурными проблемами. В такой ситуации необходимы постоянные длительные усилия, направленные на достижение взаимопонимания сторон (Maddison 2015). В то же время в ситуации гражданского конфлик-

² Понятие соборной личности использовалось в творчестве В. С. Соловьева и других русских философов, которые полагали, что каждая этническая общность обладает уникальной и неизменной идеей, определяющей ее роль в истории. Причем направленность исследования этой вечной неизменной идеи как сущности соборной личности может идти только от узнавания ее в эмпирической действительности, но не наоборот (Макарова 2009).

та снижается уровень толерантности в обществе, что затрудняет его разрешение (Hutchison 2014). Украинский кризис имеет в своей основе сложные смысловые дилеммы, обусловленные не только современной политической ситуацией, но и культурно-историческими нарративами. Каждый участник противостояния, согласившись на уступки, вынужден сломать часть своей системы ценностей и выстроить новую, что совсем не просто, хотя рано или поздно это неизбежно случится. Конфликты, в которых задействованы культурообразующие смыслы, всегда приводят к радикальным переменам в ценностных системах народов: иногда – к усилению изначальных систем, иногда – к их ослаблению или разрушению.

Изучение политических процессов на их смысловом уровне, на уровне общественных ценностей и социокультурных кодов, является необходимой частью научного дискурса. Понимание смысловых интерпретаций политических действий сторон конфликта должно вести к его позитивному разрешению. Это утверждение обусловлено самой сутью процесса понимания смыслов участников политического действия, поскольку оно способствует их взаимопониманию и взаимному доверию. Даже несогласие со смыслами другой стороны всегда лучше, чем непонимание, ведущее к приписыванию ложных и превратных смыслов, взаимных обвинений и т. п. Политика в современном мире – это не навязывание своей воли, а искусство взаимопонимания и компромисса.

Литература

Александр, Дж. 2013. *Смыслы социальной жизни: культурсоциология*. М.: Праксис.

Березняков, Д. В., Козлов, С. В. 2015. Символическая политика постсоветской Украины: конструирование легитимирующего нарратива. *Полис. Политические исследования* 4: 34–45. DOI: 10.17976/jpps/2015.04.05.

Вендина, О. И., Колосов, В. А., Попов, Ф. А., Себенцов, А. Б. 2014. Украина в политическом кризисе: образ России как катализатор противоречий. *Полис. Политические исследования* 5: 50–67. DOI: 10.17976/jpps/2014.05.05.

Лапкин, В. В., Пантин, В. И. 2014. Кризис украинской государственности: политико-правовой, ценностный и геоэкономический аспекты. *Полис. Политические исследования* 5: 68–89. DOI: 10.17976/jpps/2014.05.06.

Лебон, Г. 2003. Психология народов и масс. В: Королев, К. (сост.), *Психология толпы: социальные и политические механизмы воздействия на массы* (с. 9–316). М.: Эксмо; СПб.: Terra Fantastika.

Макарова, Л. В. 2009. Концепция личности в духовном органицизме Вл. Соловьева. *Социальная политика и социология* 4: 25–38.

Манойло, А. В. 2012. Ценностные основы управления междивизиационными конфликтами: российская модель. *Вестник Московского университета. Серия 12 «Политические науки»* 3: 89–92.

Масликов, В. А. 2014. Аксиологические факторы Майдана. *Власть* 5: 173–176.

Николаев, Д., Берендеев, В. 2015. Рецензия на книгу: Бышок, С. О. «Иллюзия свободы. Куда ведут Украину новые бандеровцы». *Власть* 1: 213–215.

О чем говорил Путин на совещании послов и постпредов. 2014. *Российская газета*. URL: <http://www.rg.ru/2014/07/01/prezident-poln.html> (дата обращения: 01.02.2016).

Панарин, А. С. 2002. *Православная цивилизация в глобальном мире*. М.: Алгоритм.

Парето, В. 2008. *Компендиум по общей социологии*. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ.

Пастухов, В. Б. 2005. Украина – не с Россией (Причины и последствия стратегических просчетов российской политики по отношению к Украине). *Полис. Политические исследования* 1: 25.

Реутов, Е. В. 2014. Гражданская идентичность в российском и украинском обществах. *Власть* 5: 169–173.

Тард, Г. 1901. *Социальная логика*. СПб.: Тип. Ю. Н. Эрлих.

Федотова, В. Г. 2015. Различия политических культур и международные конфликты. *Полис. Политические исследования* 1: 44–54. DOI: 10.17 976/jpps/2015.01.05.

Фульье, А. 1899. Факторы национального характера. В: Фульье, А., *Психология французского народа* (с. 3–22). СПб.: Изд-во Ф. Павленкова.

Хантингтон, С. 2014. *Столкновение цивилизаций*. М.: АСТ.

Чанкова, Е. В. 2011. Коммуникативная компетентность личности: этносоциальный взгляд. *Социальная политика и социология* 9: 69–74.

Шульга, М. А. 2013. Украинско-российские отношения в историко-теоретической перспективе. *Вестник Московского университета. Серия 12 «Политические науки»* 2: 103–116.

Юнг, К. Г. 1991. *Архетип и символ*. М.: Ренессанс.

Bustikova, L. 2015. Voting, Identity and Security Threats in Ukraine: Who Supports the Radical “Freedom” Party? *Communist and Post-Communist Studies* 48, 2–3: 239–256. DOI: 10.1016/j.postcomstud.2015.06.011.

Coupe, T., Obrizan, M. 2016. Violence and Political Outcomes in Ukraine – Evidence from Sloviansk and Kramatorsk. *Journal of Comparative Economics* 44(1): 201–212. DOI: 10.1016/j.jce.2015.10.001.

Duvanova, D., Nikolaev, A., Nikolsko-Rzhevskyy, A., Semenov, A. 2015. Violent Conflict and Online Segregation: An Analysis of Social Network Communication across Ukraine’s Regions. *Journal of Comparative Economics* 44(1): 163–181. DOI: 10.1016/j.jce.2015.10.003.

Hutchison, M. L. 2014. Tolerating Threat? The Independent Effects of Civil Conflict on Domestic Political Tolerance. *Journal of Conflict Resolution* 58(5): 796–824.

Herron, E. S., Thunberg, M. E., Boyko, N. 2015. Crisis Management and Adaptation in Wartime Elections: Ukraine's 2014 Snap Presidential and Parliamentary Elections. *Electoral Studies* 40(12): 419–429. DOI: 10.1016/j.electstud.2015.07.009.

Iovenko, A. 2015. The Ideology and Development of the Social-National Party of Ukraine, and Its Transformation into the All-Ukrainian Union “Freedom,” in 1990–2004. *Communist and Post-Communist Studies* 48(2–3): 229–237. DOI: 10.1016/j.postcomstud.2015.06.010.

Katchanovski, I. 2015. Terrorists or National Heroes? Politics and Perceptions of the OUN and the UPA in Ukraine. *Communist and Post-Communist Studies* 48(2–3): 217–228. DOI: 10.1016/j.postcomstud.2015.06.006.

Maddison, S. 2015. Relational Transformation and Agonistic Dialogue in Divided Societies. *Political Studies* 63(5): 1014–1030. DOI: 10.1111/1467-9248.12149.

Marples, D. R. 2015. Open Letter from Scholars and Experts on Ukraine Re. the So-called “Anti-communist Law”. URL: <http://krytyka.com/en/artic>

les/open-letter-scholars-and-experts-ukraine-re-so-called-anti-communist-law
(дата обращения: 16.11.2016).

Polyakova, A. 2014. From the Provinces to the Parliament: How the Ukrainian Radical Right Mobilized in Galicia. *Communist and Post-Communist Studies* 47(2): 211–225. DOI: 10.1016/j.postcomstud.2014.04.012.

Shveda, Y., Park, J. H. 2016. Ukraine's Revolution of Dignity: The Dynamics of Euromaidan. *Journal of Eurasian Studies* 7(1): 85–91. DOI: 10.1016/j.euras.2015.10.007.